

А. П. Ушакова
Тюмень, Россия

A. P. Ushakova
Tyumen, Russia

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
КАК ЭЛЕМЕНТ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

THE CATEGORY OF POSSESSIVENESS
AS AN ELEMENT
OF POLITICAL DISCOURSE

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.41

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье анализируются способы концептуализации политической действительности в Югославии с помощью категории посессивности. Обсуждаются образные средства, связанные с вербализацией этой когнитивной категории.

Abstract. The article deals with means of conceptualizing the political reality of Yugoslavia with the help of the category of possessivity. It studies the ways of verbalizing this cognitive category.

Ключевые слова: политический дискурс; способы концептуализации; средства выражения посессивного значения; метафора.

Key words: political discourse; means of conceptualization; means of expressing possessiveness; metaphor.

Сведения об авторе: Ушакова Александра Павловна, кандидат филологических наук, доцент по кафедре общего языкознания.

About the author: Ushakova Alexandra Pavlovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General Linguistics.

Место работы: Институт филологии и журналистики ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д. 10, кв. 27.
e-mail: apushakova@rambler.ru.

...Вујовићева књига подразумева огроман истраживачки труд и, као таква, представља незаобилазну лектуру, у ствари – уџбеник, за све који аргументовано желе да се боре за истину, а против медијских лажи и манипулација које су нас тако скупо коштале минулих година.

...Књига Вујовича представља собом огромни истраживачки труд, који захтева обавезно читање, ово учебник за све, који аргументовано боре се за правду против информационе лажи и манипулација, које су тако драго коштали нам у прошлости.

[В. Радовић 2006: 10]*

* Здесь и далее перевод наш. – А. П. Ушакова. Приносим благодарность за прочтение и понимание сложного политического текста Лазару Геричу и Сергею Кельтману.

Категория посессивности, или принадлежности, существует в языке наряду с категориями времени, пространства, причины и многими другими. Посессивность – это выраженное языковыми средствами отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим. Категория посессивности выражается посредством притяжательных прилагательных, родительного падежа существительных, притяжательных местоимений и других языковых средств. Целью нашего исследования является выявление стилистических особенностей употребления этих языковых единиц в политическом дискурсе.

Военные действия на территории бывшей Югославии являются важным элементом современного международного политического дискурса. Они продолжались с 1991 по 1999 годы и вызвали противоположные оценки у политиков и журналистов разных стран. По словам А. П. Чудинова, «...абсолютное большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали кровавый антисербский террор албанских сепаратистов в Косово и варварские бомбардировки мирных городов Югославии. А вот в большинстве европейских стран и в Соединенных Штатах общественное

мнение было на стороне жертвы режима Милошевича – свободолюбивого албанского народа, которому оказали помощь доблестные войска НАТО» [Чудинов 2003: 93].

В данной ситуации выявление способов концептуализации политической действительности становится особенно актуальным, ведь фактическое положение вещей имеет абсолютно полярные отражения в российском и американском национальном сознании. Возможно, обращение к политическому дискурсу Сербии, непосредственного участника этих событий, может пролить свет на аспекты данной проблемы.

Мы привлекли к анализу книгу известного сербского военного журналиста Миодрага Вујовича, свидетеля событий на Балканах. Она называется «Масакрирање истине». Автор так объясняет значение этого слова: *Масакр је, према многим речницима које сам ја могао да погледам, покољ, сеча, безобзирно убијање људи... Према томе, јасно је шта је масакр, и када се каже да је неко масакриран, у жаргону знамо да се ради о мотивацији леша, о зверском убиству човека где се наставља убиство бодењем ножем или пуцањем у човека који је већ мртав. Ту чак спадају и ударци тупим*

предметом и све што значи докусуивање и накнадно масакрирање леша човека који је већ мртав... [Вуйович 2006: 286] – Масакр, судя по многим словарям, которые я просмотрел, это резня, рубка, бесцеремонное убийство людей... исходя из этого, понятно, что значит слово масакр, и если сказано, что кто-то „масакриран“, знаем, что при аргументации убийства следует говорить о зверском убийстве человека и что убийство уже мертвого человека продолжилось нанесением ему ножевых ран или выстрелом в него. Сюда относятся даже удары тупым предметом и все, чем можно добить и дополнительно растерзать тело уже мертвого человека. Таким образом, мы можем перевести название книги М. Вуйовича как «Резня правды». На протяжении всего текста автор детально, приводя четкие доказательства, показывает, как в средствах массовой информации и других организациях перед лицом мирового сообщества искажалась правда и создавалось ложное, негативное мнение о сербах.

Книга носит публицистический характер, автор в основном раскрывает неизвестную, закулисную сторону создания сообщений, репортажей в информационных службах, которые вещали на весь мир о военных событиях на территории бывшей Югославии. В иностранных публикациях шло осуждение только одной стороны – сербов. М. Вуйович подчеркивает, что в Югославии шла война, и поэтому он не отрицает вины ни одной, ни другой стороны, но главная его мысль состоит в том, что кровопролития можно было избежать, если бы люди все события, происходящие на Балканах, освещали правдиво, соотносясь с реальной действительностью, а не с вымыслами.

Таким образом, в книге политический дискурс представлен как дискурс войны информационных служб. *Књига Мише Вујовића Масакрирање истине*, у првом, новинарском слоју, хладним говором чињеница анализира стратегију, тактику, извршиоце и наредбодавце медијског рата из којег су Срби изашли „ружни, прљави и зли“, који нисмо изгубили јер га заправо нисмо ни водили, у којем је – можда више од нас самих изгубила истина, злочиначки масакрирана – (да би је, мртву, у Хагу поново убијали!) -у име јединог права које још влада овом планетом – права јачег! [Богавац 2006: 296] – Книга журналиста Миши Вуйовича *Резня правды* холодным языком фактов анализирует стратегию, тактику, исполнителей и заказчиков информационной войны, из которой сербы вышли „безобразными, бесчестными и злыми“, которую мы не проиграли, потому что мы эту войну и не вели, и в которой больше всех проиграла правда, злобно убитая (чтобы ее, мертвую, в Гааге снова убили) во имя единого права, которое еще господствует на этой планете – права сильнейшего. Освещение военных событий требует

объективности, правды, ведь любая информация оказывает воздействие на сознание людей. Военные действия напрямую связаны с человеческими жизнями, и ложная информация может привести к непоправимым последствиям.

Автор показывает, что менталитет сербского народа связан с идеей «верить правде». Почему можно было победить сербский народ ложью? Потому что сербов отличает вера в Бога, искренность, доверие. Об этом говорит в послесловии к книге „Масакрирање истине“ Зоран Богвац: *А коју другу улогу, осим улогу жртве, је могао да одигра народ у чијем архетипу још није сасвим избледела идеја како „правда држи куле и градове“, који Бога Правде у химни, коју су покушали да му одузму, узима за сведока и заштитника, који (у песми увек а у зблији понекад) сам себи казује – „боље ти је изгубити главу, него своју огрешити душу“ – и у чијем Душановом законуку лажно сведочење остаде записано као најтеже кривично дело? [Богавац 2006: 296] – А какую еще роль, кроме роли жертвы, мог сыграть народ, в чьем архетипе еще не совсем угасла идея, что „правда держит башни и города“, который Бога Правды в гимнах воспеваает, которую у него попытались отнять и которую он берет себе в свидетеля и защитника, который (в песнях всегда, а на деле иногда) сам себе говорит: „лучше тебе потерять голову, чем взять грех на душу“, – и в чьем Душановом своде законов ложное свидетельство осталось записанным как самое тяжкое уголовное преступление.*

С лингвистической точки зрения нас интересует, какое отражение в связи с заявленным дискурсом в тексте нашли грамматические средства выражения значения принадлежности, какова их стилистическая функция. Обратим внимание на наиболее яркие случаи.

В книге наличествуют практически все поессивные средства – притяжательные прилагательные: *Фотографија Хрватице на синовљевом гробу* месецима се вртела на страницама светских новина [Вуйович 2006: 72] – *Фотографија хорватки у могили сына* месецима мелькала на страницах газет всего мира; ...рече Желько, *кафеџијин син*“ [Вуйович 2006: 92] – ...сказал Желько, *сын хозяина кафе*; местоимения: *Излишно је овом приликом говорити колико је Срба протерано са својих огњишта*, колико је избегло у СР Југославију... [Вуйович 2006: 104] – *Излишне говорити при этом, сколько сербов изгнано со своих очагов*, сколько их бежало в СР Югославию...; *Нештали су у рушевинама своје куће*, страдали од неког новог западног „хуманизма“ [Вуйович 2006: 55] – *Пропали в развалинах своих домов*, пострадав от некоего нового западного „гуманизма“; ...исламски фундаменталисти испалили су гранату из ручног бацача *на његов стан* и том приликом убили *његову супругу и брата* [Вуйович 2006: 108] – ...исламские фундаменталисты выпустили

гранату из ручного гранатомета на его квартиру и при этом убили его жену и брата; Срби су прогнали недужне муслимане из њихових домова. Ове стравичне приче завлачиле су се у подсвест и натпросечних западних медиокритета [Вуйович 2006: 104] – Срби изгнали невинних мусульман из их домов. Эти страшные рассказы на Западе притягивали внимание обычных людей, несведущих в международной политике; родительный падеж принадлежности: Миле Пантић се налазио испред зраде када је на оближњу кућу породице Миладиновић испалена ракета, претворивши је у пепео [Вуйович 2006: 54] – Миле Пантић налазио се пред зданием, када в ближайши дом сeмљи Миладинович был пущен ракетный снаряд, который спалил его дотла; ...да је „Спремна ханџар дивизија“, уз илустрацију припадника ханџар дивизије како с фесом и крвавим ханџаром ногом стоји на глави српског лидера Радована Караџића [Вуйович 2006: 75] – ...на плакату с надписом „Готовая к бою ханджар-дивизија¹“ был изображен солдат из ханджар-дивизии в феске и с кровавым кинжалом в руке, стоящий на голове сербского лидера Радована Караџича. Дательный падеж принадлежности местоимений и существительных представлен меньшим количеством примеров в исследуемом тексте: ...док је Ибрахим Ругова убијен, а кућа му је запалена [Вуйович 2006: 40] – ...Ибрагим Ругова был убит, а дом его сожжен; „– Ово је крај света – коментарисали су многи док су им сузе липтале, али не од страха већ од испарења изазваних детонацијама“ [Вуйович 2006: 45] – „Это конец света,“ – говорили многие, в то время как слезы текли из их глаз, но не от страха, а уже от испарений, вызванных взрывом; Ево видите, усташе нам руше град [Вуйович 2006: 157] – Вот, видите, усташе² разрушают наш город.

Средства выражения принадлежности, показывая содержательную сторону событий, происходивших на Балканах с 1991 по 1999 годы, также работают на основную идею, они помогают увидеть сущность международных информационных служб, их роль в формировании сознания людей, помогают ответить на вопрос, почему сложилось негативное представление о сербах во многих зарубежных регионах.

Например, автор приводит случай, который оказался последним толчком к началу бомбардировки Сербии войсками НАТО. В средствах массовой информации на весь мир было объявлено, что сербы в Косово расстреляли мир-

ных жителей. Это высказывание опиралось на недобросовестное свидетельство об убитых одного из патологов. Спустя некоторое время после начала бомбардировки Сербии выяснилось, что это свидетельство было ложным: оказалась речь шла о военных людях, не гражданских. Приведем иллюстрацию из текста, относящуюся к данному случаю: „То су били текстови који су испали негативни“, открива нам сада госпођа Ранта и додаје, неко би рекао, заиста бестидно: „На конференцији за штампу дошло је до малог неспоразума“ [Вуйович 2006: 283] – „Это были тексты, которые получили негативными“, – открывает нам сейчас госпожа Ранта и добавляет, можно сказать, совершенно бестидно: „На пресс-конференции произошло небольшое недоразумение“. Автор далее отмечает: **Таж „мали неспоразум“ финског патолога са представницима медија** коштао је једну земљу 78 дана бруталног бомбардовања! [Вуйович 2006: 283] – То „небольшое недоразумение“ финского патолога с представителями информационных служб стоило одной стране 78 дней массированной бомбардировки. «Малое недоразумение» было принято и мгновенно распространено по миру службами массовой информации, воздействуя на умы и сердца людей. Это свидетельство безответственности и, как доказывает автор, того, что акция была спланирована заранее.

Одна из основных категорий языковой картины мира любого народа – противопоставление «свой – чужой» [Чудинов 2003: 38–39]. Особенно это противопоставление проявляется в текстах, касающихся войны или каких-либо других конфликтов. В анализируемом тексте «свои» – это сербский народ и народы, которые не поддержали разжигание военных действий на Балканах, не давали ложных свидетельств о событиях, происходящих на этой земле. «Чужие» – это государства, а также отдельные люди, стремившиеся всеми возможными средствами начать войну в Югославии. У них были свои интересы, а цель одна – поставить сербский народ на колени. Примеры, которые мы приведем, являются ярким свидетельством данного противопоставления.

Книга написана эмоционально; так, автор неоднократно подчеркивает посредством конструкций с притяжательным местоимением *наш* необходимость быть бдительными, не допустить повторения страшных событий, в то же время не склонять головы перед врагом: **Наше је само да климнемо главом?!** [Вуйович 2006: 18] – **Нам остається толькo киватъ головой?!; Но, Милошевић и наша дипломатија, заостава из времена пре пада Берлинског зида, мислили су да је само по себи довољно што је истина на нашој страни и да се кад-тад мора пробити у свет** [Вуйович 2006: 69] – **Но Милошевич и наша дипломатия остались еще во времени до падения Берлинской стены, дума-**

¹ «Ханджар-дивизија» – название идет от дивизии боснийских мусульман, в годы Второй Мировой войны воевавших на стороне немцев.

² Усташе – название хорватских военных объединений. Слово «усташ» сохранилось со времени Второй Мировой войны, где оно использовалось в значении «член хорватской фашистской организации».

ли, что довольно и того, что правда на **нашей стороне** и что когда-нибудь правда пробытается в мир; Међутим, уместо чињеницама међународна јавност, као и део **наших медија** бавио се другим тугаљивим темама [Вуйович 2006: 111] – *Между тем, вместо занятий фактами международная общественность, как и наши информационные службы, занималась щекотливыми темами. Та же мысль об ответственности народа приводится в предложении, где в состав местоименной конструкции входит метафора: **Јесмо ли заборавили на Косову просуту крв 27. и 28. марта 1989, на тзв. дан државности? Видимо ли, да ли се усуђујемо да видимо своје лице у њој?*** [Вуйович 2006: 200] – *Разве мы забыли кровь, пролитую в Косово 27 и 28 марта в день так называемого Национального праздника Сербии? Способны ли мы оценить **свою роль в этом процессе?***

Чтобы ярче противопоставить, выделить негативную сущность ложных сообщений в иностранной прессе, масштабность их воздействия на людей, автор использует ряд других метафор. Например: **Велики Вокеров медијски оркестар** није заобишао ни добровољце... [Вуйович 2006: 229] – **Большой Вокеровский информационный оркестр** не обошел и добровољцев; „Решење је НАТО интервенција одмах, са копненим трупама и протекторатом на Косову“, написао је Томас Шмит, упоређујући ситуацију са холокаустом. Ово је само део **Вокеровог медијског оркестра** [Вуйович 2006: 229] – „Решение было принято, что интервенция НАТО начинается сразу вооруженными силами и контролем в Косово“, – написал Томас Шмит, сопоставив ситуацию с холокаустом. И это было сделано **Вокеровским информационным оркестром!** Подчеркивается, что в работе Вокера и его людей, создающих ложную информацию о событиях в Югославии, было все слаженно, как в оркестре. Приведем другой пример, свидетельствующий о влиянии В. Вокера на происходящие на Балканах события: ...да су извесни људи подобни и незаменљиви за сваку администрацију, потврдило се још једном у Вокеровом случају... Стога не чуди да му је на Косову додељена специјална мисија коју је, судећи по ефектима Рачка, прилично рутински одрадио. Ово потврђује и његова изјава дата по доласку на Космет: „Међународна заједница **проговара мојим устима.**“ [Вуйович 2006: 248–249] – ...То, что при каждой администрации есть подобные незаменимые люди, еще раз подтверждает случай с Вокером... Поэтому не удивительно, что в Косово ему была доверена специальная миссия, судя по последствиям в селе Рачак, выполненная им умело. Это подтверждает и его заявление, сделанное им по прибытии в Косово: „Международная общественность **начинает говорить моими устами.**“ Приведем еще случаи,

когда автор посредством метафоры сравнивает информационные службы с сетью: **Глобалне ТВ мреже** вапаје за интервенцијом покривале су ужасним призорима, не само са Космета [Вуйович 2006: 229–230] – **Мировая ТВ-сеть** призывает к военной интервенции и представляет ужасный обзор не только с Косово-Метохии. Характерно, что подобная метафора приводится в другом контексте, своим содержанием сближающем обе ситуации: „...амерички и европски званичници су све забринутими због присуства **Бин Ладенове мреже** на Западу, као и због близине терориста стационараних у Босни, у срцу Европе“ – пише Лос Анђелес тајмс, позивајући се на извештај Стејт департамента у коме стоји да је велики број терориста с пасошима БиХ, путовало по свету [Вуйович 2006: 79–80] – „...американские и европейские представители обеспокоены из-за присутствия **сети Бен Ладена** на Западе, а также из-за близости террористов, находящихся в Боснии, в сердце Европы“, – пишет “Лос-Анджелес Таймс”, ссылаясь на сообщение Министерства иностранных дел Америки, в котором подчеркивается, что большое число террористов, имея паспорта Боснии и Герцеговины, путешествовало по миру.

Метафора подчеркивает бездушие людей, ведущих репортажи с места военных событий. Приведем случай, когда иностранной журналистке для достоверности своего репортажа не хватало снимка изможденного человека и как она наконец-то нашла „свой скелет“: *Слика из сабирног центра у Омарској није се уклопила у сценарио креатора ратне пропаганде. Недостајали су...справа за мучење, живи скелети... Код једног складишта... Пени Маршал наилази на групу муслимана. Међу њима, без кошуље, го до појаса стоји Фикрет Алић. Мршав, исушеног тела, с кожом слепљеном за кости, упалих образа...Пени Маршал, као у трансу, прилази Фикрету, рукује се с њим. Напokon је **нашла свој скелет*** [Вуйович 2006: 99] – *Картина из лагеря военнопленных в населенном пункте Омарска не входила в сценарий режиссера военной пропаганды. Недоставало данных о мучениях, живых скелетов... Возле одного склада Пенни Маршал встретила группу мусульман. Среди них стоял Фикрет Алич, без рубашки, голый до пояса. Он был худой, истощенный, „кожа да кости“, со впалыми щеками. Пенни Маршал, как в транс, подошла к Фикрету, поздоровалась с ним. Наконец-то **нашла свой скелет!*** Так в средствах массовой информации появился первый снимок „сербского концлагеря“.

В следующей метафоре акцентируется внимание читателя на непрестанное внушение людям негативной информации о сербах: *У лето те 1992. јеврејске организације у Њујорку почињу да демонстрирају против српског нацизма, подржавајући писање њујоршког днев-*

ника **који је своје читаоце** из дана у дан **бомбардовао** језивим информацијама о логорима смрти... [Вуйович 2006: 98] – Летом 1992 года еврейские организации в Нью-Йорке начали протест против сербского нацизма, поддерживая писания „Нью-йоркского дневника“, который **своих читателей** изо дня в день бомбардировал ужасными сообщениями о лагерях смерти.

Приведем пример, где в составе одного предложения имеется несколько посессивных конструкций, представляющих собой метафору. Тем самым автор снова подчеркивает мощь и несоответствие правде выступлений информационных служб и единых с ними международных организаций, с той же целью в предложении приводятся прецедентные тексты: *Уистину, стомак се јесте превртао и још се преврће свакој нормалној и часној особи, нарочито када упореди тајне извештаје са јавним исказима високих званичника „међународне заједнице“ и њихових медија који попут запенушаних римских посматрача гладијаторских борби у арени испуњеној крвљу – повременио дижу или спуштају свој крвави палац надоле* [Вуйович 2006: 195] – Поистине, **душа** перевернется у **каждого человека** и каждый раз это будет происходить с нормальным и честным человеком, особенно если сопоставить эти тайные сообщения с общественными высказываниями высоких представителей „международных организаций“ и их информационных служб, которые, наподобие **оголтелых римских зрителей гладиаторских боев** на арене, заполненной кровью, время от времени поднимают или **опускают свой кровавый палец**.

Прецедентные тексты, наряду с другими языковыми средствами, автор использует с целью сделать свою информацию более значимой, запоминающейся, например: *Као Демоклов мач над главама, виси нам колектива одговорност – пенали мерени стотинама милијарди долара, период денацификације и преваспитавања* [Вуйович 2006: 18] – *Как Демоклов меч над головой, висит над нами ответственность – пенальти, измеряемое сотнями миллиардов долларов, время денацификации и перевоспитания.*

В тексте отмечены и другие образные средства языка, способствующие выразительности высказывания, например метонимия: *Зашто се и даље манипулише бројем страдалих у Сребреници?!... немачки министар одбране Рудолф Шарпинг, говорећи о „геноциду“ Срба над Албанцима, изјавио је, да су Срби у Сребреници пред очима Плавих шлемова убили 30.000 муслимана* [Вуйович 2006: 112] – *Почему и дальше продолжают манипулировать числом пострадавших в Сребренице?! ...немецкий министр обороны Рудольф Шарпинг, говоря о „геноциде“ албанцев со стороны сербов, заявил, что сербы в Сребренице на глазах „Го-*

лубых шлемов“ убили 30000 тысяч мусульман; ...да један нормалан људски мозак изузетно тешко може да издржи све оно што стоји у извештајима с Косова... [Вуйович 2006: 194–195] – *...нормальный человеческий мозг с трудом мог выдержать все, что содержалось в сообщениях из Косово.*

Категория принадлежности отмечена конструкциями с ярко выраженной негативной коннотацией, например, в следующем контексте подчеркивается теневая сторона „гуманитарной помощи“: *Петнаестак година касније већ је довољно богат и почиње ширење своје хуманитарне хоботнице по истоку* [Вуйович 2006: 66] – *Спустя пятнадцать лет, будучи уже довольно богатым, он начинает „распускать свои „гуманитарные“ щупальцы“ на Восток.* В одном из примеров представлено негативное оценочное суждение в конструкции со словом «душа»: *Испред продавнице неколико мештана испија пиво. – Ајде, новинари, попијте по једну! Ово су старе залихе „Вайферта“, није загађено, а хладно је као Клинтонова душа* [Вуйович 2006: 48] – *Возле магазина несколько местных пили пиво. – „Давайте, журналисты, выпейте по одной! Это из старых запасов „Вайферта“, не испорчено, а холодное, как Клинтонова душа“.* Также инвективное употребление конструкции принадлежности со словом «душа» находим в другом контексте: *Радмила Јонић показује своју зубну ординацију, разваљену као вампирска душа* [Вуйович 2006: 57] – *Радмила Јонич показывает свой зубной кабинет, разваленный, как вампирская душа.* В данном контексте автор показывает посредством метафоры всю страшную и разрушительную силу бомбардировок, пишет о противоестественности войны, о неправимости ее последствий. Негативное оценочное суждение находим и в следующем случае: *Ко је Хашима Тачија, званог Змија, гурнуо у крило Мадлен Олбрајт?* [Вуйович 2006: 231] – *Кто Хашима Тачия, называемого Змеем, толкнул под крыло Мадлен Олбрайт?*

В тексте представлены очень яркие заголовки, также привлекающие внимание читателя и в образной форме подчеркивающие основную мысль статьи. Приведем некоторые из них: *Црна крила „Милосрдног анђела“* [Вуйович 2006: 40] – *Черные крылья „Милосердного ангела“.* В данном разделе автор приводит отдельные примеры военной пропаганды за время агрессии НАТО против Югославии. В цитируемом заголовке акцентируется внимание на том, что одна из акций агрессии НАТО – бомбардировка Югославии – имела название «Милосердный ангел»: в средствах массовой информации она представлялась как помощь «угнетенному» албанскому народу. В этой же статье автор далее пишет: *Познато је колико је у тој „милосрдној“ акцији уништено цивилних објеката, колико је убијено грађана, деце, жена, стараца, као и колико је поштован прин-*

цип селективности целева [Вуйович 2006: 40] – Известно, сколько в той „*милосердной*“ акции уничтожено гражданских объектов, сколько убито граждан, детей, женщин, стариков и насколько соблюдался принцип точечной цели. В названии статьи показано явное противопоставление миссии НАТО и ее результата: *черные крылья и белый ангел* – понятия несовместимые.

Возьмем другой пример: *Фудбал људским главама* [Вуйович 2006: 192] – *Футбол головами людей*. В разделе под этим заглавием акцентируется внимание на различных измышлениях в адрес «зверств» сербов и показана реальная картина происходящих событий. Посредством метафоры подчеркивается глобальный характер лжи, на которую были способны представители служб массовой информации. Вынесенная в заглавие метафора *Вокерова шпијунска мрежа* [Вуйович 2006: 254] – *Вокеровская шпионская сеть* также подчеркивает масштабы шпионской деятельности В. Вокера и его помощников. Следует отметить, что эта метафора несколько раз повторяется в книге М. Вуйовича.

Подведем итоги. Все вышеупомянутые образные средства, употребляемые с участием категории посессивности, принимают прямое участие в формировании политических высказываний и, далее, в формировании языковой картины мира сербской нации с помощью противопоставления «свой – чужой»; они могут использоваться в политическом дискурсе как компоненты метафоры, метонимии, оксюморона, инвективной лексики, прецедентных текстов и других образительных средств языка.

ЛИТЕРАТУРА

Богавац З. Црвени бојовници и страни плаћеници. Над рукописом *Масакрирање истине* Мише Вујовића // Вујовић М. Масакрирање истине. – Подгорица: Нова Пазова, 2006. С. 295–301.

Вујовић М. Масакрирање истине. – Подгорица: Нова Пазова, 2006.

Радовић В. Предговор првом издању // Вујовић М. Масакрирање истине. – Подгорица: Нова Пазова, 2006. С. 9–10.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гуманитарного института, 2003.

© Ушакова А. П., 2010